

мистера Джингля. Этот диалог происходил в 1827 году, а революция в 1830 году», — и сноски Л. Толстого к тексту «Казак», объясняющие диалектные слова; ср. «Разговор автора со своею тенью», предпосланный «Ярмарке на площади», и «Послесловие» к «Жану-Кристофу» 1930 г.

По содержанию мета-текст чаще всего связан с вопросами сюжетной и композиционной организации материала данного произведения⁵, построения характеров⁶, права автора на стилистический эксперимент⁷.

Как видно из приведенных примеров, актуализация творческого вымысла в произведениях группы 1с. предполагает произвол автора в отношении полноты излагаемого материала. Автор по своему усмотрению сокращает (Мелвилл), расширяет (Дидро), перекомпоновывает (Гоголь) сюжетную часть своего произведения.

Другая весьма распространенная тема мета-текстов — рассуждения на эстетические темы — тоже обычно указывает на вымышленный характер произведения. Таковы, например, рассуждения автора о праве художника нарушать любые традиции и нормы в искусстве и создавать свои собственные законы, иллюстрируемые материалом собственного произведения («Том Джонс»); таково размышление о двух типах писателей и двух принципах эстетического отражения мира в «Мертвых душах»; сопоставление поэзии и действительности во многих вещах Бальзака (например, сравнение газетной заметки о самоубийстве с литературным произведением в «Шагреневой коже»); авторское отступление о «типах» и «обыкновенных людях» в «Идиоте» и многое другое.

В группе 1с. нет никаких структурных ограничений и на объективность подачи, интерпретации и оценки материала. Находясь в ином пространстве по отношению к сюжетным персонажам, автор может выступать в качестве беспристрастного хроникера и судьи, наделенного высшей мудростью. Однако наличие персонифицированного автора допускает и выражение субъективности автора на поверхностном уровне (как и в произведениях 1ф.): любви или неприязни к тому или иному персонажу, сочувствия и сопереживания. Например: «Увы, славный король, корабль принес и тебе великое горе и жестокие терзания» («Тристан и Изольда Бедье»); «Наконец, герцог Андрей (да посрамит его господь!) сказал...» (там же); «Ах, Лиза, Лиза! Что с тобою случилось?» («Бедная Лиза»); «Не добивай, казак, врага, а лучше повернись назад!» («Тарас Бульба»); «О святая девушка! Вот уже много лет, как тебя нет в этом мире...» («Отверженные»); «Кричи громче, Месь!⁸ Еще громче! — Но нет — едва ли она услышит тебя! Кричи, Месь, ругнись разок-другой, отведи душу и снова кричи — нет, не услышит» («Повесть о двух городах»); «Утешься, добрая мать, твой сын вырос на русской почве...» («Обломов»); «Таков ли ты был, князь Никита Романович!...» («Князь Серебряный»); «Да, так будет, Генрих. Молодость и любовь станут некогда заблуждениями...» («Юность короля Генриха IV»); «Бедная, суетная и вечно надеющаяся Эйлин! Но

⁵ «Вы видите, читатель, что я нахожусь на хорошем пути и что от меня зависит потопить вас и отсрочить на один, два, три года рассказ о любовных приключениях Жака, разлучив его с хозяйном и подвергнув каждого из них всевозможным случайностям по моему усмотрению» («Жак-фаталист»); «Воображение читателя без труда набросает картину детских лет Израиля, протекивших на ферме. Так перейдем же сразу к периоду его возмужания» («Израиль Поттер»); «Автор, признается этому, даже рад, находя таким образом случай поговорить о своем герое; ибо доселе, как читатель видел, ему беспрестанно мешали...» («Мертвые души»).

⁶ «Подобная разновидность чувства совершенно необычна в романах и весьма унижательна для гордости героини. Но если она так же необычна в реальной жизни, пусть мне хотя бы принадлежит честь открытия этого детища необузданного воображения» («Аббатство Нортэнгер»).

⁷ «Мы могли бы разработать эту тему в элегантном, в романтическом или бурлескном стиле», — пишет автор в «Ярмарке тщеславия» и далее дает наброски развития темы в трех разных стилях, соответствующих трем разным сферам английского общества того времени.

⁸ Месь — прозвище действующего лица.